

2835 бр

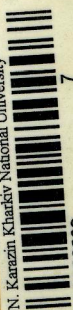
О. АФАНАСЬЕВА

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛИГИ НАЦИЙ

59
ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1945

69 КОМ.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00266689

7

Редактор *А. Варшавский*.

Подписано в печать 16 июня 1945 г. Тираж 50 000 экз. А16998. Объем 2½ п. л.
Заказ № 897. Цена 60 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК
РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.

Виднейшие политики и философы мира неоднократно пытались разрешить проблему наилучшей организации международной безопасности. Свидетельством этого является множество разнообразных проектов создания международной организации безопасности.

Проекты эти, возникавшие обычно в наиболее напряжённые моменты мировой истории, например во время феодальных войн, тянувшихся иногда десятилетиями, или войн Наполеона I, потрясших Европу до основания, не находили себе, однако, практического применения.

Надо учесть, впрочем, что феодальные войны и даже войны Наполеона I не имели таких грандиозных масштабов, как войны XX века. Если во времена Наполеона один солдат приходился на 17—20 семей, то в 1914 г. в среднем почти каждая семья в основных государствах Европы посылала одного человека на фронт.

Любопытно также отметить, что во второй половине XIX века, в период бурного роста капитализма и создания таких государств, как Германия и Италия, идея международной организации мира не занимала почти никого из видных политических деятелей Европы.

В этот период возникали лишь международные союзы и организации типа Всемирного почтового союза, Международного телеграфного союза и т. п.

На рубеже XIX и XX веков, когда угроза мировой войны стала очевидной, когда начали создаваться военные союзы и блоки между крупнейшими государствами Европы, была сделана попытка создания некоего подобия международной организации безопасности путём созыва Гаагских мирных

конференций 1899 и 1907 гг. Правда, правительства — инициаторы Гаагских конференций — не ставили своей целью предотвращение агрессии. Они использовали эти конференции скорее как ширму для своих милитаристских целей. Тем не менее в результате этих конференций была учреждена Палата третейского суда в Гааге и было заключено множество конвенций об арбитраже между отдельными государствами. Но эти слабые попытки урегулировать международные конфликты, разумеется, не были способны хотя бы в небольшой мере ослабить подготовку к первой мировой войне.

В XX веке необходимость международной организации мира и безопасности назрела, и народы стали ощущать её всё более и более остро. Во время первой мировой войны, затронувшей коренные интересы огромных масс населения, появилось множество всевозможных проектов будущей организации мира.

Ещё в сентябре 1914 г. премьер-министр Великобритании Асквит заявил, что «величайшим триумфом нашей эпохи будет водворение идеи публичного права как идеи, господствующей в международной политике». Ему вторил глава правительства Греции Венизелос, утверждая, что «мир, который будет заключён, должен стать торжеством права над силой. Он создаст новый политический порядок, который гарантирует всем народам право самостоятельного управления. Объединение наций, подчинённых демократическому режиму, осуществит идеал всеобщего мира и окончательно устранит зловредные факты, разоряющие человечество».

Вслед за декларациями общего характера стали появляться и конкретные проекты создания будущей организации, охраняющей мир и безопасность народов земного шара.

Первые проекты типа проекта лорда Брайса, опубликованного в апреле 1917 г., предлагали создать лишь европейский союз народов. Затем появились новые планы, предусматривающие создание организации, включающей все страны мира.

Когда в январе 1918 г. президент Соединённых Штатов Америки Вудро Вильсон предложил свои 14 пунктов мирной программы, то один из пунктов этой программы в качестве неотъемлемой части будущего мирного договора предусматривал создание Лиги наций.

Самая идея Лиги была выдвинута Вильсоном ещё при вступлении Америки в войну. В Белом доме тщательно

изучались все прежние планы и схемы международной организации, возникавшие в разные времена и в разных странах.

В первом проекте Лиги, который Вильсон подготовил в течение лета 1918 г., предполагалось применение мер принуждения — так называемых санкций, как экономического, так и военного характера. Все члены Лиги наций должны были взаимно обеспечивать друг другу территориальную неприкосновенность и политическую независимость.

Приехав в декабре 1918 г. в Париж на мирную конференцию, Вильсон ознакомился с проектом международной организации безопасности, составленным премьер-министром Южно-Африканского Союза Сметсом. Из этого проекта Вильсон заимствовал и добавил к своему плану такие пункты, как учреждение так называемых мандатных территорий¹, создание Совета Лиги наций кроме конференции всех её участников. Тогда же был включён пункт о сокращении вооружений.

Этот свой второй вариант проекта Вильсон и представил на рассмотрение английских и американских уполномоченных на мирной конференции 10 января 1919 г.

Одновременно с созданием американского проекта Лиги наций в специальной комиссии министерства иностранных дел Англии разрабатывался свой проект, который впервые был представлен министру иностранных дел Бальфуру 20 марта 1918 г.

В английском проекте Лига трактовалась как союз, и все государства — члены Лиги — назывались союзными государствами. Все эти государства принимают на себя обязательство не воевать друг с другом. Если между ними возникнет какой-либо спор, он должен быть улажен тре-

¹ Мандатными территориями назывались земли, право на владении которыми установлено мандатом Лиги наций. Такие мандаты были выданы Лигой наций 16 мая 1920 г. Великобритании на Ирак, Палестину, Танганайку, часть Того и часть Камеруна, а также на остров Науру в Тихом океане. Доминионы Великобритании получили мандаты на бывшую германскую Юго-Западную Африку, острова Самоа, ранее принадлежавшую Германии часть острова Новая Гвинея. Франция получила мандат на Сирию и другие части Того и Камеруна; Бельгия — на часть прежней германской колонии в Восточной Африке, прилегающую к Бельгийскому Конго; Япония — на острова Каролинского, Марианского и Маршалльского архипелагов в Тихом океане.

тейским судом, а если третейское разбирательство не по-
могает, спор передаётся на решение конференции всех союз-
ных государств, где решение принимается большинством
голосов. Однако решения эти имеют характер лишь пред-
ложений, с которыми спорящие стороны могут согласиться,
а могут и не согласиться. Если какое-нибудь государство
нарушит союзный договор, оно окажется в состоянии вой-
ны со всеми другими участниками союза.

Этот проект британская делегация предъявила 20 января
1919 г. Но ввиду того что он в ряде пунктов сильно рас-
ходился с американским, двум юристам (британскому —
Сесилию Херсту и американскому — Дэвиду Хентеру Мил-
леру) было поручено выработать совместный проект.

Кроме того фигурировал проект французского прави-
тельства, автором которого являлся Леон Буржуа.

Французский проект существенным образом отличался
от проектов Англии и Америки. Если в первом проекте
президента Вильсона о военных мерах против зачинщика
войны говорилось в очень неясной форме, если в англий-
ском проекте это было сделано ещё туманнее, то фран-
цузский проект, наоборот, самым детальным образом раз-
работал меры воздействия на агрессора.

Это объяснялось тем, что Франция более других стран
имела основания опасаться разбойничьего германского
милитаризма, стремилась предотвратить агрессию с его
стороны и закрепить своё господствующее положение на
европейском континенте.

Французский проект подробно излагал систему дипло-
матических мер воздействия, выражающихся в разрыве дипло-
матических отношений всех членов международной орга-
низации с нарушителем мира; юридических, состоящих
главным образом в денежных штрафах; экономических,
выражающихся в блокаде, захвате судов агрессивного
государства и финансовом бойкоте. Кроме того был деталь-
но разработан план военных мер против государства-
агрессора.

По французскому проекту Лига наций должна была
иметь в своём распоряжении вооружённые силы, состоя-
щие из армий различных государств — членов Лиги, доста-
точные для того, чтобы обеспечить исполнение решений
Лиги наций и преодолеть любые силы, которые могут быть
ей противопоставлены во время вооружённого конфликта.

Для руководства этими силами при Лиге наций предпо-
лагалось создать постоянный Международный генеральный

штаб, причём Лига наций должна была назначать главного командующего международными вооружёнными силами.

Кроме того был ещё итальянский проект, также предусматривающий военные меры воздействия. Но он предусматривал их лишь в самом крайнем случае и не содержал никаких конкретных предложений по данному вопросу.

Как и следовало ожидать, вокруг этих проектов на мирной конференции разгорелись ожесточённые споры.

Прежде всего спорили по вопросу о том, должен ли устав Лиги наций являться составной частью будущего мирного договора, на чём особенно настаивал Вильсон.

После некоторых возражений другие державы-победительницы дали своё согласие на это, и 25 января 1919 г. была создана специальная комиссия по выработке устава Лиги наций.

В эту комиссию вошли по два представителя от каждой из пяти крупных стран — участниц мирной конференции: Соединённых Штатов Америки, Великобритании, Франции, Италии, Японии, и пять делегатов, избранных остальными государствами, принимавшими участие в Парижской мирной конференции.

Основная борьба разгорелась во время обсуждения устава Лиги наций между тремя главными участниками конференции — США в лице Вильсона, Великобританией, представленной Ллойд-Джорджем, и Францией, позицию которой с жаром защищал Клемансо.

Чем сильнее настаивал Клемансо на создании международной военной организации, тем больше противились ему Вильсон и Ллойд-Джордж. Одним из основных мотивов возражений Вильсона против создания международной армии являлось его убеждение в том, что сенат Соединённых Штатов Америки не допустит, чтобы американская армия находилась в распоряжении Международного совета, и, таким образом, американские войска могли быть использованы для защиты интересов, может быть, весьма далёких от непосредственных интересов американского народа.

В данном случае Вильсон должен был учитывать настроение американских изоляционистов, которые всячески противились созданию организации, долженствующей обеспечить международную безопасность.

Делегаты Великобритании также поддерживали американскую делегацию против французской, ибо им казалось

опасным укрепление военного превосходства Франции на континенте.

В результате споров применение военных мер против агрессора, предлагавшееся французским проектом, было отвергнуто, и тем самым Лига наций уже в момент своего образования лишалась возможности вести действительную борьбу против агрессора.

Комиссия по выработке устава заседала до 13 февраля 1919 г., когда был принят окончательный текст. Кроме спора о военных мерах воздействия на агрессора мнения членов комиссии расходились по ряду других вопросов. Характерно, что почти все принимавшиеся поправки к уставу уменьшали способность Лиги наций стать инструментом борьбы за мир и постепенно придали ей характер пассивной организации, способной лишь констатировать нарушения мира, а не бороться с ними.

Так, например, французская делегация хотела включить во вступительную часть устава слова: «Державы, подписывающие настоящий договор, единодушно осуждающие тех, кто навязал миру только что окончившуюся войну...» Но другие члены комиссии возражали против этого предложения французов, и в многословном вступлении к уставу не осталось ни одной фразы, осуждающей виновников грандиозных бедствий, причинённых мировой войной.

Согласно уставу, Лига наций получила два высших органа — Ассамблею (общее собрание членов Лиги) и Совет, состоящий из четырёх постоянных членов — представителей великих держав — и четырёх (позднее шести) непостоянных, избираемых Ассамблеей. Функции этих двух органов и их компетенция определены совершенно одинаковыми словами статей 3 и 4 устава. Следовательно, оба органа были совершенно равноправны, и разница между ними заключалась лишь в составе и в периодичности их созыва.

О применении мер воздействия и борьбы против агрессии говорила статья 16 устава Лиги наций, ставшая — вследствие выявившихся на конференции разногласий — лишь туманной декларацией на тему о том, что с нарушителями мира должны быть порваны торговые и финансовые отношения. Та часть статьи, которая говорит о военных мерах, выглядит совсем неопределённо. В случае агрессии «Совет лиги обязан предложить различным заинтересованным правительствам тот численный состав военной, морской или воздушной силы, посредством которого члены Лиги будут по принадлежности участвовать в вооружённых силах,

предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги».

Но даже и это расплывчатое упоминание о возможности применения вооружённой силы пугало некоторых членов Лиги наций настолько, что борьба против каких бы то ни было военных санкций началась одновременно с учреждением Лиги.

Уже в 1921 г., т. е. всего через год после своего учреждения, Совет Лиги наций принял особую резолюцию, которая подчёркивала, что основным оружием в борьбе против агрессора должно быть осуществление экономических санкций.

В дальнейшем мы увидим, что даже это слабое оружие Лига наций не смогла как следует использовать.

Вопрос о методах голосования в Совете Лиги наций и в Ассамблее был решён таким образом, что агрессору фактически не угрожала никакая реальная опасность даже в том случае, если Лига наций попыталась бы принять какие-либо меры.

Дело в том, что и Совет и Ассамблея могли принять какие-либо серьёзные решения лишь при том условии, что все члены Совета или Ассамблеи проголосуют за это решение. Стоит представителю какого-либо самого незначительного государства не согласиться с общим решением, и оно не может быть принято. А так как крупная держава, чаще всего являющаяся нарушителем мира, всегда имеет несколько мелких стран-сателлитов, то ей не составит большого труда заставить одного из них проголосовать в её пользу. Рассматривая конкретную деятельность Лиги наций, мы неоднократно столкнёмся с подобными фактами.

Любопытна поправка, предложенная японской делегацией к статье 8, касающейся вопроса об ограничении вооружений. В первоначальном проекте устава Лиги наций Вильсона предусматривалось «сокращение национальных вооружений до минимума, совместимого с внутренней безопасностью». Если бы была принята американская редакция, то это означало бы, что вооружённые силы каждой страны сводятся лишь к полиции и небольшому контингенту войск для внутренней охраны. Однако принятая по проекту японской делегации, поддержанному некоторыми другими членами комиссии, статья 8 предлагала сокращение национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью.

А это толкование настолько неопределённо, что оно да-

вало полную возможность всем членам Лиги наций доводить свои вооружённые силы до какого угодно уровня, чем, конечно, и воспользовались государства-агрессоры.

В проекте Вильсона был пункт, предлагавший отменить обязательную военную службу. Нечего и говорить, что этот пункт был также отвергнут. В окончательном виде статья 8 устава Лиги наций сводилась лишь к добрым пожеланиям и нисколько не мешала гонке вооружений.

Характерна ещё одна деталь, относящаяся к группе статей (с 10 по 17), содержащих обязательства Лиги наций по охране мира. В случае угрозы войны «генеральный секретарь Лиги наций немедленно созывает Совет по требованию всякого члена Лиги». Таким образом, Совет Лиги наций был лишён возможности начать активные действия по собственному усмотрению, он должен дожидаться инициативы со стороны и мог действовать только после формального заявления какого-нибудь государства — члена Лиги наций.

Самые обязательства членов Лиги наций по отношению друг к другу были изложены таким образом, что оставляли множество лазеек для агрессора. Примером может служить статья 15 устава, трактующая о том случае, «если между членами Лиги возникает спор, могущий повлечь за собой разрыв». После изложения сложной процедуры, к которой обязан прибегнуть Совет в подобном случае, следует такая фраза: «В том случае, когда Совету не удастся достигнуть принятия его доклада всеми его членами, кроме представителей всякой стороны в споре, члены Лиги оставляют за собой право поступать, как они считают подходящим для сохранения права и правосудия», т. е. фактически любому нарушителю мира предоставляется полная свобода действий.

Устав Лиги наций был торжественно представлен мирной конференции и принят единогласно на её пятом пленарном заседании, 28 апреля 1919 г.

В качестве органической составной части он вошёл в Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г., и во все остальные договоры версальской системы — Сен-Жерменский, Нейиский, Трианонский, Севрский.

В числе «первоначальных членов» — государств, подписавших устав Лиги наций и принимавших участие в его выработке, — были Соединённые Штаты Америки (впоследствии не ратифицировавшие Версальский договор и не вошедшие в состав Лиги наций), Великобритания, Фран-

ция, Канада, Австралия, Южно-Африканский Союз, Новая Зеландия, Индия, Китай, Бельгия, Боливия, Бразилия, Куба, Эквадор, Греция, Гаити, Геджас, Гондурас, Италия, Япония, Либерия, Никарагуа, Панама, Перу, Польша, Португалия, Румыния, Сербо-Хорвато-Словенское государство (Югославия), Сиам, Чехословакия, Уругвай.

Вторая группа — «приглашённые» — включала 13 государств, не участвовавших в войне: Аргентину, Чили, Колумбию, Данию, Испанию, Норвегию, Парагвай, Нидерланды, Иран, Сальвадор, Швецию, Швейцарию, Венецуэлу.

Таким образом, Лига наций вначале объединила 44 государства. В число постоянных членов Совета вошли Великобритания, Франция, Италия и Япония; четыре непостоянных места (после 1922 г. таких мест стало шесть) поочерёдно заполнялись членами Лиги, избираемыми Ассамблеей. Впоследствии количество членов Совета было доведено до 13.

Достаточно лишь взглянуть на список членов Лиги наций, чтобы стало ясно, почему деятельность этой организации не могла стать плодотворной даже в том случае, если бы она имела более совершенный устав. В самом деле, могла ли успешно действовать международная организация, призванная защищать мир и безопасность народов земного шара и не имевшая в числе своих членов двух таких держав, как Соединённые Штаты Америки и Советская Россия?

США не приняли участия в работе Лиги наций, так как американский сенат под влиянием изоляционистского большинства не ратифицировал Версальский договор, а тем самым и устав Лиги. Молодые советские республики вообще не были приглашены на Парижскую конференцию. Более того, как раз в период создания Лиги наций они подвергались вооружённой интервенции со стороны тех самых держав, которые вырабатывали принципы её организации. Это обстоятельство не могло не придать Лиге антисоветский характер, что отразилось как на её организационных основах, так и на всей последующей деятельности.

Политика вражды к нашей стране, проводившаяся в более или менее явной форме державами-руководительницами Лиги наций, была главным пороком Лиги; она логически увлекала Лигу на путь покровительства агрессорам.

Естественно поэтому, что и советское правительство в тот период относилось резко отрицательно к Лиге наций.

Позиция Советского государства была сформулирована Лениным в интервью, данном им в октябре 1922 г. корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» Фарбману: «Мы, конечно, противники Лиги наций, и я думаю, что не только наш экономический и политический строй с его особенностями вызывает наше отрицательное отношение к Лиге наций, но и интересы мира, рассматриваемые с точки зрения конкретных условий всей современной международной политики вообще, вполне оправдывают это отрицательное отношение»¹.

Предлагая на утверждение Парижской мирной конференции окончательный проект устава Лиги наций, президент Вильсон произнёс в честь новой организации речь, в которой заявил: «Эта война имела страшные последствия, но она имеет и прекрасные плоды. Преступление побеждено. Мир больше чем когда-либо понял величие права. Народы, которые друг другу не доверяли, могут теперь жить как друзья и товарищи, как одна семья, и они желают, чтобы так и впредь оставалось. Зародыши недоверия и интриг устранены. Люди могут посмотреть друг другу в лицо и сказать: «Мы — братья, и мы имеем общую цель. Раньше мы этого не знали, теперь мы отдаём себе отчёт в этом; здесь лежит перед нами пакт братства и дружбы». Однако, подводя итог всему, что было сказано выше о создании Лиги наций, следует притти к заключению, что эти слова президента имели под собой очень мало реальных оснований. Лига наций была создана таким образом, что не могла служить действенным оружием борьбы за мир и безопасность. Её устав был составлен так, что она, как сказал товарищ Сталин 6 ноября 1944 г., «не имела ни прав, ни средств для предотвращения агрессии», а игнорирование такого мощного фактора мира, как Советское государство, вело к тому, что Лига большей частью использовалась в направлении, прямо противоположном её официальному призванию.

Конкретная деятельность Лиги наций в дальнейшем только подтвердила это положение.

С первых шагов Лига наций столкнулась с множеством вопросов, требовавших немедленного разрешения. Но первые же её действия характеризовались стремлением как-нибудь увильнуть от конкретных решений, направленных на укрепление мира. Если конкретные решения и принимались,

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 314.

то чаще всего в пользу сильного государства, нарушавшего права более слабого.

Одним из вопросов, поставленных уже в 1920 г. перед Советом Лиги наций, был вопрос о Вильно и Виленской области. Польско-литовский конфликт тянулся почти три года и представлял собой совершенно ясную картину агрессии со стороны польской военщины, так как Польша явно незаконно захватила столицу Литовской республики Вильно и претендовала на всю Виленщину. Польское правительство пыталось оправдать свои действия тем, что литовские войска находятся к западу от демаркационной линии, установленной постановлением Верховного совета союзников в декабре 1919 г. Совет Лиги наций постановил, чтобы литовские войска были отведены за эту линию, а поляки, в свою очередь, должны были обязаться не переступать её. Вопрос же о принадлежности Виленщины предполагалось решить путём плебисцита. Но польские милитаристы, несмотря на это решение, начали военное вторжение в Литву. Налицо был явный и грубейший акт агрессии, направленный не только против Литвы, но и против Советской России, потому что захват Вильно и Виленской области создавал дополнительную угрозу на советских границах. Однако с Советской Россией Лига наций не захотела вести какие-либо переговоры.

Очутившись перед фактом явного нарушения мира, Совет Лиги наций предложил разрешить конфликт путём дипломатических переговоров. Переговоры эти велись в Брюсселе под председательством представителя Лиги наций Гиманса и тянулись несколько месяцев, причём Польша в это время и не помышляла об эвакуации своих войск из Вильно. Убедившись, что переговоры зашли в тупик, Совет Лиги наций передал польско-литовский спор на разрешение конференции союзных послов в Париже¹. Конференция послов включила Виленщину в границы Польши, а Совет Лиги наций «принял к сведению» это решение.

К тому же времени относится решение Лиги наций об Аландских островах, которое лишний раз демонстрирует её враждебное отношение к Советской стране.

¹ Поскольку Лига наций стремилась изображать собой как бы независимый от отдельных государств «верховный орган», то в тех случаях, когда не хотела себя компрометировать, она передавала те или иные вопросы конференции послов. За решения этой конференции должны были непосредственно отвечать государства, имевшие на ней своих представителей.

Вопрос об Аландских островах, большое стратегическое значение которых общеизвестно, имеет свою преедисторию.

В 1809 г., после русско-шведской войны, эти острова вместе с Финляндией были присоединены к России. С 1856 г. по Парижскому мирному договору на них запрещалось возводить какие бы то ни было укрепления. В 1917 г. Аландские острова отделились от России, так же как и Финляндия. Однако их население пожелало присоединиться к Швеции. Финляндия заявила протест, и спор был передан на разрешение Совета Лиги наций, причём советское правительство не было приглашено для участия в разрешении этого спора.

Совет Лиги наций, затянув на целый год обсуждение этого вопроса, вынес решение о присоединении Аландских островов к Финляндии. Это решение, вынесенное вопреки воле населения островов, можно было объяснить только тем, что в финских руках Аландские острова представляли собой прямую угрозу Советской России. Советское правительство в самой решительной форме заявило свой протест, подчеркнув при этом, что «не существует никаких договорных постановлений, отменяющих верховные права Российской республики на Аландские острова. Поэтому никакое решение, касающееся этих островов, не действительно, если российское правительство не принимало в нём участия. Обращаясь по этому поводу к руководящим державам Соглашения и доводя одновременно своё заявление до сведения шведского и финляндского правительств, российское правительство уведомляет их, что никакое решение этих держав или какой-либо другой их группы относительно Аландских островов не будет признано им действительным, если российское правительство не будет участником соответствующих переговоров».

Так уже в первые годы своего существования Лига наций не только показала свою неспособность воспрепятствовать агрессии, но, по сути дела, сыграла на руку завзятым милитаристам. Нетрудно заметить при этом, что в основе тех скрытых мотивов, которые вели к поощрению агрессии, лежала антисоветская политика Лиги.

Лига наций пыталась вмешиваться даже во внутренние дела Советской России, и каждый раз это вмешательство носило враждебный характер.

В марте 1920 г. Лига наций выразила желание послать специальную комиссию для ознакомления с положением

дел в России. Эта комиссия должна была приехать в РСФСР тогда, когда Польша напала на Россию и Украину.

Советское правительство отклонило предложение Лиги наций о посылке комиссии. «Советское правительство, — говорилось в его телеграмме, — которое добивалось снятия блокады с России, самым близким образом заинтересовано в том, чтобы представители всех наций ознакомились с положением дел в России... Однако, ввиду того, что некоторые члены Лиги наций активно поддерживают воюющую с Советской Россией Польшу и снабжают её оружием и инструкторами, ВЦИК не может в данный момент по военным соображениям допустить приезд представителей Лиги, между которыми будут находиться представители наций, которые на деле отказались от нейтралитета в войне, навязанной Советской России». В другой телеграмме на имя генерального секретаря Лиги наций Эрика Дрэммонда советское правительство указывало на то, что действия Лиги не соответствуют официально провозглашаемым ею принципам: «...приходится сожалеть, — заявляло советское правительство, — что эта Лига, целью которой, по вашим словам, является установление справедливости и мира, предоставила полную свободу одному из своих членов, а именно Польше, выступить нарушителем мира в её нападении на Россию и Украину и душеителем справедливости в её попытке превратить Украину в зависимое и угнетённое государство».

Осенью 1921 г. Финляндия попыталась захватить Восточную Карелию вооружённым путём. Получив отпор от Красной Армии, она обратилась в Совет Лиги наций с жалобой на правительство РСФСР, обвиняя его в нарушении Юрьевского мирного договора, заключённого РСФСР с Финляндией 14 октября 1920 г. Финляндское правительство утверждало, будто РСФСР «обещала» и не предоставила автономии Восточной Карелии. Хотя эта жалоба Финляндии была явно ни на чём не основана, Лига наций немедленно занялась её рассмотрением, проявив особое участие к Финляндии и необычное для себя рвение.

По поручению Совета Лиги наций Эстония как страна, находящаяся в дипломатических отношениях с советским правительством, взяла на себя миссию осведомиться о его намерениях.

Однако советское правительство решительно заявило, что оно безусловно отклоняет всякое вмешательство в вопрос, ставший предметом конфликта между Россией и Финлян-

дней, тем более вмешательство со стороны Лиги наций, в состав которой входят открыто враждебные России правительства.

Несмотря на это, Совет Лиги наций продолжал заниматься обсуждением этого вопроса. В конце концов вопрос о законности финляндских претензий был передан на рассмотрение постоянной Палаты международного правосудия — юридического органа Лиги. Палата заявила в своём заключении, что без согласия России не может быть вынесено даже консультативное мнение. Таким образом, лишний раз было подтверждено, что законы международного права на стороне советского правительства, и Лиге наций пришлось отказаться от вмешательства в карельский вопрос.

Политика Лиги наций, поощрявшей агрессию против советских республик, хотя и прикрывалась густой завесой пацифистских фраз, не могла остаться незамеченной всеми агрессивными государствами, вне зависимости от того, в какую сторону направлялись их захватнические интересы. Ярким примером этого может служить поведение Италии, с агрессивными действиями которой Лиге наций также пришлось столкнуться в самые первые годы своего существования.

Непосредственно после мировой войны Италия пыталась захватить Албанию. Борьба албанского народа с итальянскими войсками продолжалась до 1920 г., и если в то время попытки Италии не увенчались успехом, то препятствовала этому отнюдь не Лига наций, к которой апеллировала Албания, а мужественная борьба албанского народа, выгнавшего захватчиков со своей земли.

В августе 1923 г. на греческой территории неизвестными лицами были убиты итальянские офицеры — члены Комиссии по установлению албанской границы. Воспользовавшись этим предложом — явно провокационного свойства, — Италия через четыре дня бомбардировала и захватила остров Корфу — важный стратегический пункт, расположенный у входа в Отрантский пролив, запирающий Адриатическое море.

Греция обратилась к помощи Лиги наций, полноправным членом которой она являлась. Согласно уставу члены Лиги наций были обязаны передавать свои конфликты на разрешение её Совета.

В данном случае один из постоянных членов Совета — Италия начала военные действия против другого члена

Лиги — Греции через четыре дня после возникновения конфликта, не дожидаясь решения Совета. Мало того, фашистский диктатор Италии Муссолини заявил, что возглавляемое им правительство не допустит, «чтобы оскорбление Италии и убийство наших офицеров разбирали женевское сборище». Делегат Великобритании в Совете Лиги наций не решался обострять отношения с Италией, хотя и делал вид, что поддерживает Грецию, а делегат Франции занял позицию нейтралитета и просто не стал высказывать своё мнение.

Окончательно обнаглевший Муссолини на заседании совета министров Италии заявил, что если Лига наций вмешается в итало-греческий конфликт, то Италия выйдет из Лиги наций.

Как бы испугавшись этой угрозы, Совет Лиги наций передал решение вопроса конференции послов в Париже, даже и не поднимая вопроса о мерах воздействия против нарушителей мира.

Конференция послов заставила Грецию пойти на ряд уступок Италии и заплатить ей 50 млн. лир, после чего Италия согласилась очистить остров Корфу. Только тогда Лига наций вынесла резолюцию о том, что конфликт можно считать ликвидированным.

Слабость, проявленная Лигой по отношению к агрессору, повела к тому, что внутри самой Лиги постоянно сохранялась неудовлетворённость её столь долго вырабатывавшимся уставом. Многие не считали его достаточной гарантией коллективной безопасности. Свидетельством этого является бесконечное количество разнообразных проектов дополнительных гарантий безопасности, обсуждавшихся на нескольких сессиях Лиги наций. В частности в 1924 г. на пятой сессии Совета Лиги наций в Женеве был подписан Женевский протокол о мирном разрешении международных споров. В протоколе, подписанном 40 державами, говорилось, что «договаривающиеся державы вправе прибегать к войне только в том случае, если они подвергнутся нападению, и притом только с согласия Лиги наций».

Лорд Сесиль, представитель Великобритании, при этом заявил, что «гарантия взаимной защиты, связав все народы между собой, приобретает силу, необходимую для предупреждения всякой войны, и сумеет дать почувствовать нападающей стороне всю мощь организованных сил мира».

Однако этот протокол, заключавший в себе 21 статью,

заканчивался такими словами, которые в сущности зачёркивали всё предшествующее:

«Конференция, имеющая собраться в 1925 г. в Женеве, дополнит эти положения и ограничит вооружение всех народов. Если же народы не согласятся сократить свои вооружения, настоящий протокол, содержащий 21 статью, теряет силу».

Кстати сказать, подобный стиль являлся типичным для большинства документов Лиги наций. За рядом выпренных фраз, провозглашающих чуть ли не новую эру в жизни человечества, следует одна-две оговорки, после которых от всего этого блестящего фейерверка остаётся один лишь пепел.

Тем не менее, несмотря на всю неопределённость формулировок Женевского протокола, при его обсуждении представители агрессивных держав поспешили сделать ещё ряд оговорок. Делегат Италии Саландра категорически заявил: «Никогда моя страна не уступит ни пяди своей суверенности». Японский делегат Адатеи выразился ещё более решительно: «Для каждого народа превыше всего его собственные интересы. Они не зависят, они не могут зависеть от произвола арбитражных решений».

Немудрено, что, подводя итоги прениям по этому вопросу, французская газета «Тан» сделала следующий пессимистический вывод: «Никто не может сказать, что станется с пактом в час международного кризиса».

Этот час не заставил себя долго ждать. Последующие годы деятельности Лиги наций всё больше и больше обоглащались фактами нарушения мира, грубейшими актами агрессии.

Мы не будем здесь касаться конфликта по вопросу о КВЖД, конфликта, по поводу которого Лига наций хранила торжественное молчание, хотя он был вызван тем, что японская военщина спровоцировала нападение китайских милитаристов на миролюбивую страну — Советский Союз.

Через два года после этого началась японская агрессия в Китае. Отношение Лиги наций к этому факту настолько характерно для всего её поведения, что на нём следует остановиться подробнее.

18 сентября 1931 г. регулярные японские части без всякого повода открыли военные действия в Мукдене, захватили Мукден, Харбин, а к январю 1932 г. заняли всю Манчжурию и осадили Шанхай.

Налицо было явное нарушение мира, ничем не оправдываемый акт агрессии одного из членов Лиги наций — Японии — против другого её члена — Китая.

Китайское правительство немедленно послало в Совет Лиги наций жалобу на действия Японии, ссылаясь на статью 10 устава Лиги наций, гарантировавшую территориальную неприкосновенность каждого государства — члена Лиги наций, и на статью 11 устава, в которой говорится, что «всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо или нет кого-либо из членов Лиги, интересуется Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир наций. В подобном случае генеральный секретарь немедленно созывает Совет по требованию всякого члена Лиги».

В данном случае китайское правительство и потребовало срочного созыва Совета Лиги наций.

Надо сказать, что это единственная процедура, которую Лига наций выполняла довольно исправно, тем более что она ни к чему не обязывала и даже помогла затягивать решение вопроса. Так произошло и в данном случае. В конце сентября 1931 г., т. е. через неделю после нападения Японии на Китай, в Париже собрался Совет Лиги наций. Казалось бы, что согласно статье 16 устава члены Лиги наций должны были немедленно порвать с агрессором все торговые и финансовые отношения; потребовать немедленного увода японских войск из Китая, а в случае отказа, применить против нарушителя мира более решительные меры. Однако никаких мер — ни более, ни менее решительных — не последовало. Совет Лиги начал длительные переговоры с японцами. Японское правительство умышленно их затягивало, чтобы выиграть время и окончательно укрепиться в Манчжурии. Оно приводило в своё оправдание смехотворные аргументы, объясняя захват Манчжурии тем, что китайцы бойкотировали японские товары. Дело протянулось до 10 декабря 1931 г., когда японцы предложили Совету Лиги наций послать в Манчжурию специальную комиссию для расследования дела. И хотя каждому здравомыслящему человеку было ясно, что расследовать нечего и факт насильственного захвата чужой территории был совершенно очевиден, Совет Лиги всё же ухватился за эту японскую идею и приступил к формированию комиссии.

Пока создавалась эта комиссия, вырабатывался её маршрут, намечались планы работ, прошло больше месяца.

Только 14 января 1932 г. комиссия под председательством лорда Литтона отбыла в Манчжурию.

Комиссия Литтона состояла из представителей Великобритании, Италии, Франции, США (которые вошли в комиссию не будучи членом Лиги наций) и Германии. Эта комиссия так долго изучала на месте все обстоятельства, что Япония за это время спокойно успела не только захватить всю Манчжурию, но и создать там марионеточное правительство Манчжоу-Го с подставным «императором» во главе.

Только 4 сентября 1932 г., т. е. почти через год, комиссия Литтона представила свой доклад Лиге наций. Совет Лиги уведомил об этом японское правительство; а то прежде всего потребовало шестинедельного срока для изучения доклада. 20 дней ушло на то, чтобы Совет Лиги обдумал эту просьбу, и 24 сентября Японии предоставили требуемый срок. Несколько недель спустя Япония дала свои замечания по докладу Литтона. Ещё через 10 дней Совет Лиги наций постановил передать доклад комиссии вместе с замечаниями японского правительства на рассмотрение Чрезвычайной ассамблеи.

Чрезвычайная ассамблея 9 декабря постановила создать специальный комитет для изучения доклада и выработки решения, способного ликвидировать конфликт.

Прошло ещё полтора месяца, и 21 января 1933 г. специальный комитет признал своё банкротство, заявив, что такую резолюцию выработать невозможно.

Этим была закончена примирительная процедура, с которой в Лиге наций полагалось начинать разбор всех конфликтов. Она заняла, таким образом, свыше 16 месяцев.

Теперь следовало применить процедуру, предписываемую статьёй 15 устава Лиги наций. 14 февраля 1933 г. специальный комитет выработал резолюцию, в которой Японии предлагалось отозвать свои войска из Манчжурии; последняя должна была оставаться под суверенитетом Китая, но получить широкую автономию. Китай немедленно согласился подчиниться решениям специального комитета. Япония же не только решительно отказалась принять резолюцию, но 27 марта 1933 г. заявила о выходе из Лиги наций.

Таким образом, не могло уже оставаться никаких сомнений в том, что Япония является агрессором. Факт агрессии был бесспорно установлен. Можно было предполагать, что теперь Лига наций применит против Японии санкции, предписываемые статьёй 16 устава Лиги наций.

Но здесь вновь особенно ярко выступили те черты Лиги наций, которые впоследствии привели к её окончательному распаду.

На мартовских заседаниях Чрезвычайной ассамблеи развернулась ожесточённая дискуссия. Многие малые страны, которым в первую очередь угрожали агрессивные намерения государств, подобных Японии, высказывались за применение всех тех мер, которые рекомендует статья 16, т. е. за экономическую блокаду и военные санкции.

Однако представители крупных держав, повидимому, придерживались другой точки зрения.

Здесь впервые определилась та политика невмешательства, исчерпывающую характеристику которой дал товарищ Сталин в своём докладе на XVIII съезде партии: «Формально, — говорил он, — политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны — следовательно превращение её в мировую войну».

Самым характерным из всех выступлений на Ассамблее была речь министра иностранных дел Англии, известного своим ораторским искусством Джона Саймона. Саймон не отрицал, что Япония совершила агрессию. Отрицать это было просто невозможно. Но он пошёл по пути оправдания агрессии, по тому пути, который впоследствии привёл к Мюнхену. Он не стал, правда, доказывать, что китайцы напали на японцев, но заявил, что японцы, напав на китайцев, будто бы имели на это основание, потому что Япония-де — государство, активно развивающееся, а между тем у Японии мало площади, ей нужно «жизненное пространство».

Кроме прямого оправдания агрессии в речи Саймона проскальзывала и другая нотка, также очень характерная для поведения Лиги наций.

Саймон намекал на то, что наступление Японии на Китай может ослабить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке. Продолжение же японской агрессии может вызвать войну между Японией и СССР. А этого и добивались все сторонники «политики невмешательства». В результате всех этих рассуждений Саймон приходил к выводу, что,

хотя захват Манчжурии Японией и является актом агрессии, санкций против Японии применять не следует.

Лига наций, которой понадобилось целых полтора года для того, чтобы установить акт агрессии, очень быстро согласилась с таким заключением и ограничилась созданием Консультативного комитета для наблюдения за дальнейшим развитием событий.

Однако Япония, чтобы устранить последние формальные препоны, стеснявшие её захватническую политику, просто ушла из Лиги наций.

Лига наций очутилась перед фактом образования очага войны на Дальнем Востоке.

Захват Японией Манчжурии продемонстрировал перед всем миром результаты, к которым приводит политика невмешательства, и нанёс жестокий удар престижу Лиги наций, удар, от которого она так и не смогла оправиться.

Может быть, эта позиция Лиги наций изменилась, когда дело коснулось не Дальнего Востока, а Центральной Европы и именно той державы, которая представляла наибольшую угрозу мира, т. е. Германии?

С приходом Гитлера к власти в 1933 г. Германия покинула конференцию по разоружению и заявила о своём выходе из Лиги наций.

Заявление это было очень кратким. Министр иностранных дел фон Нейрат направил генеральному секретарю Лиги наций Авенюлю следующее письмо: «От имени германского правительства имею честь сообщить вам настоящим, что Германия заявляет о своём выходе из Лиги наций, согласно п. 3 ст. I Статута».

Не было приведено даже никаких мотивировок подобно тому, как это сделала Япония.

Печать одного из крупнейших государств мира—Соединённых Штатов Америки, оценивая это событие, писала: «Отныне даже невозможно делать вид, будто Лига наций представляет собою действующий механизм международной организации. Развиваются события, исход которых может быть лишь катастрофическим».

Война, может быть не сейчас, а через некоторое время, должна явиться логическим завершением существующего положения» («Нью-Йорк Геральд Трибюн»).

Но Лига наций и теперь и позднее как будто не замечала развязывания войны Германией. Вместо того чтобы заняться предупреждением германской агрессии, для чего

Лига, собственно говоря, и была создана, она бесконечно долго занималась конфликтом между Парагваем и Боливией из-за области Чако. Конфликт этот был очень длительный. Борьба за нефтеносную область Чако возникала и замирала неоднократно. Лига наций занималась этим конфликтом на восемнадцати сессиях. Однако ни одного твёрдого решения принято не было, ибо Лига боялась вызвать недовольство Соединённых Штатов Америки нарушением знаменитой «доктрины Монро». В конце концов Совет Лиги ограничился просто бумажным протестом, ни к чему не обязывающей резолюцией.

Постепенное усиление агрессивных держав, выход Японии и Германии из Лиги наций, нарастание угрозы войны заставили задуматься руководителей многих держав, так или иначе в данный момент не заинтересованных в нарушении мира. Естественно, что их взоры в первую очередь обратились на самое миролюбивое государство мира — СССР, мощь и международный авторитет которого к этому времени неизмеримо выросли. В этих условиях создались предпосылки для того, чтобы изменилось и отношение Советского Союза к Лиге наций. 25 декабря 1933 г. на вопрос американского журналиста Вальтера Дюранти — «Всегда ли исключительно отрицательно Ваша позиция в отношении Лиги наций?» — И. В. Сталин ответил: «Нет, не всегда и не при всяких условиях... Лига может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира — то тогда мы не против Лиги. Да, если таков будет ход исторических событий, то не исключено, что мы поддержим Лигу наций, несмотря на её колоссальные недостатки».

Через несколько месяцев, 15 сентября 1934 г., по инициативе французской дипломатии, руководимой тогда Барту, 30 государств — членов Лиги — пригласили СССР вступить в Лигу наций.

Советское правительство отнеслось к приглашению сочувственно. Тов. Молотов, считываясь о работе правительства перед VII съездом Советов, объяснил такое отношение следующим образом: «Поскольку в вопросе об обеспечении мира Лига наций может играть теперь известную положительную роль, Советский Союз не мог не признать целесообразным сотрудничество с Лигой наций в этом деле, хотя

нам и не свойственна переоценка роли подобных организаций. Нечего уже говорить о том, что приглашение СССР в Лигу наций 30 государствами отнюдь не умаляет международного авторитета Советского Союза, а говорит об обратном. Мы записываем этот факт в свой актив». В то же время, соглашаясь стать членом Лиги наций, советское правительство предупреждало, что оно не принимает на себя ответственности за все предшествующие решения этой организации и за договоры, заключённые без участия СССР.

18 сентября 1934 г. Ассамблея Лиги наций постановила принять СССР в Лигу наций и включить его представителя в Совет Лиги в качестве постоянного члена. Против этого решения голосовали только Португалия, Швейцария и Голландия.

Став членом Лиги наций, Советский Союз стремился к тому, чтобы усилить те её элементы, которые высказывались за проведение политики коллективной охраны мира — коллективной безопасности. Позиция советского правительства была ясно определена в выступлении советского делегата на первом же пленуме Лиги наций, который происходил с его участием.

«...Лига наций, — говорил т. Литвинов, — не имеет в своём распоряжении средств полного упразднения войн. Я убеждён, однако, в том, что при твёрдой воле и дружном сотрудничестве всех её членов весьма многое может быть сделано и в каждый данный момент для максимального уменьшения шансов войны. Но это является достаточно почётной и благородной задачей, осуществление которой принесёт неисчислимые блага человечеству. Над этой задачей советское правительство не переставало работать в течение всего времени своего существования...»

Это не было обычными звонкими фразами, к которым уже привыкнуть общественное мнение за предыдущие годы деятельности Лиги наций. Это заявление представителя Советского Союза подтвердили своим отношением к первым же вопросам, которыми занималась тогда Лига, независимо от того, затрагивали эти вопросы непосредственные интересы нашего государства или нет. В этой связи характерно выступление советского делегата по упоминавшемуся выше вопросу об области Чако. Подчеркнув, что незначительные масштабы конфликта не должны влиять на принципиальность решений Лиги наций, т. Литвинов заявил: «Большое расстояние, отделяющее нас от

театра военных действий, и сравнительно незначительное число участвующих в них вооружённых сил не должны умалять в наших глазах важности проблемы. Решения, которые мы здесь примем, могут иметь весьма важные последствия в разбирательстве более серьёзных конфликтов, и все мы должны это помнить. Со своей стороны советская делегация настаивает на том, чтобы решения Ассамблеи по этому вопросу носили решительный и твёрдый характер и чтобы Ассамблея проявила твёрдость в деле проведения их в жизнь».

Однако не надо забывать, что деятельность некоторых держав была с самого момента вступления СССР в Лигу наций направлена на то, чтобы мешать Советскому Союзу проводить свою последовательную политику сохранения мира.

Если бы правительства Англии и Франции в те времена действительно стали дружно сотрудничать с Советским Союзом во всех вопросах, касающихся борьбы с агрессией, то, несомненно, Лига наций могла бы сыграть свою роль в деле сохранения мира. Но беда именно в том и заключалась, что этого тесного сотрудничества не было. СССР неоднократно оставался одиноким в своей решительной борьбе против агрессора.

В качестве примера настроений наиболее реакционных кругов Лиги характерно поведение представителя Швейцарии, министра иностранных дел этой страны Мотта, который после вступления СССР в Лигу наций восклицал на пленуме Совета: «Теперь жребий брошен!» и говорил, что задача теперь состоит в том, чтобы «не допустить превращения Женевы в очаг разлагающей пропаганды».

Подголосок фашистских захватчиков, конечно, гораздо меньше был озадачен приготовлениями Германии к войне, чем перспективой роста международного авторитета Советского Союза. Выступление представителя Швейцарии в этом отношении, к сожалению, не являлось исключением...

Из-за постоянного противодействия со стороны реакционных элементов Лиги наций и вследствие органических недостатков устава, о которых уже говорилось выше, в течение пятилетнего пребывания в Лиге наций представителям Советского Союза не удалось добиться от неё проведения в жизнь принципа коллективного отпора агрессорам — того принципа, который советское правительство последовательно и упорно отстаивало всегда.

Но если вступление СССР в Лигу наций и не сделало

дееспособной эту организацию, построенную на принципиально неверных основах, всё же оно оказало некоторое влияние на её дальнейшую политику. Советские представители использовали Лигу наций как место разоблачения агрессоров, помогали Лиге, несмотря на все её огромные недостатки, «хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира» (Сталин).

Каждое выступление советских делегатов в Лиге наций подчёркивало неизменные принципы внешней политики Советского Союза, направленной на поддержание коллективной безопасности, на сохранение мира во всём мире. Если реакционные правительства той или иной державы, представленной в Лиге наций, встречали эти выступления со скрытой враждебностью, то народы мира чутко прислушались к словам советских делегатов с трибуны Лиги наций. И это, несомненно, играло свою роль в укреплении дела мира, помогало многим народам как по ту, так и по эту сторону океана разобраться в подлинных целях нашей внешней политики.

Не случайно, что если до вступления СССР в Лигу наций последняя отказалась от применения экономических санкций против Японии, то в 1935 г. в связи с итало-абиссинским конфликтом — пусть с многочисленными оговорками и ограничениями — санкции всё же были применены. В этом случае на решение Совета Лиги наций оказала огромное влияние твёрдая позиция советской делегации при обсуждении этого вопроса.

Первое нападение фашистской Италии на Абиссинию произошло вскоре после вступления СССР в Лигу наций — 5 декабря 1934 г. В этот день итальянские войска напали на абиссинский отряд, расположенный в 100 км от границы, в глубине Абиссинии.

Через 9 дней Абиссиния — член Лиги наций — сообщила Совету об этом нападении.

Тем временем итальянские войска совершили ещё ряд агрессивных актов. Тогда 3 января 1935 г. правительство Абиссинии обратилось в Лигу наций, ссылаясь на известную уже нам статью 11 устава Лиги, прокламирующую содействие сохранению мира.

Но это мало помогло Абиссинии. Дело в том, что Муссолини заранее заручился согласием тогдашних правительств Франции и Англии (т. е. двух самых влиятельных членов Лиги наций) на захват Абиссинии.

7 января 1935 г. Лаваль во время своего визита в Рим

фактически дал согласие на захват Абиссинии Италией. Таким образом, одна из руководящих держав Лиги наций поддержала агрессора. В апреле 1935 г. в Стресе собралась конференция трёх держав: Великобритании, Франции и Италии, и Муссолини заручился согласием на захват Абиссинии от премьер-министра Великобритании Макдональда и министра иностранных дел Саймона. Он получил такое согласие, несмотря на то, что национальные интересы Англии сильно были задеты укреплением Италии в Африке.

Подготовив таким образом почву, Муссолини мало беспокоился о том, как Совет Лиги наций будет реагировать на жалобу Абиссинии. В одном он был во всяком случае уверен — в том, что аппарат Лиги наций прекрасно приспособлен для того, чтобы затянуть разбирательство любого, самого ясного дела. И в этом он не ошибся.

На основании заявления правительства Абиссинии в Совете Лиги наций должна была начаться процедура расследования нарушения статьи 11 устава. Но итальянское правительство предложило Совету Лиги наций, что оно возьмёт на себя прямые переговоры с Абиссинией и ликвидирует весь инцидент без помощи Лиги наций.

Совет Лиги принял предложение итальянского правительства, и обсуждение итало-абиссинского конфликта в Лиге наций было отложено.

17 марта 1935 г., через три месяца после первых вооружённых столкновений, абиссинское правительство снова обратилось в Лигу наций. Абиссиния заявляла в своей жалобе, что Италия продолжает подготовку военных действий большого масштаба и сосредоточивает свои войска на абиссинской границе. На этом основании Абиссиния требовала, чтобы к Италии была применена статья 15 устава.

Стало совершенно очевидно, что Италия намерена вести «переговоры» с Абиссинией языком пушек и что Лиге наций остаётся взять под защиту страну, подвергающуюся прямому нападению.

Однако Совет Лиги наций не применил статьи 15 устава, а настаивал на продолжении «прямых переговоров» Италии с Абиссинией. Эти переговоры, конечно, не дали никаких результатов.

Тогда 3 августа 1935 г. Совет постановил перейти к арбитражной процедуре и занялся своим излюбленным делом — созданием комиссий.

Специальная комиссия из пяти человек целый месяц

«изучала материалы» и с трогательным единодушием объявила (3 сентября 1935 г.), что ни та, ни другая сторона не может нести ответственности за всё происшедшее, т. е. за нападение итальянских войск на Абиссинию, а также и за последующие события на итало-абиссинской границе.

Абиссинии оставалось лишь благодарить Лигу наций за решение признать её невиновной в том, что на неё напала Италия.

Однако итальянское правительство также не было удовлетворено решением комиссии пяти, так как вовсе не собиралось прекратить свои захватнические действия в Абиссинии. Италия наотрез отказалась принять решение арбитражной комиссии.

Только тогда Совет Лиги наций постановил удовлетворить вторичную просьбу Абиссинии и применить к Италии статью 15 устава. Здесь, несомненно, сыграло большую роль выступление советского делегата на сессии Совета 15 сентября 1935 г.:

«Мне, как и многим моим коллегам, — заявил т. Литвинов, — приходится в данном случае выступать по вопросу, который непосредственно не затрагивает интересы наших стран, но который при том или ином решении может иметь самые грозные последствия для всей международной жизни, для судьбы Лиги наций, для дела всеобщего мира, а следовательно рано или поздно — и для наших стран... Налицо несомненная угроза войны, угроза агрессии, которую не только отрицает, а, наоборот, подтверждает сам представитель Италии. Можем ли мы пройти мимо этой угрозы и забыть про существование статей 10, 11 и 15 устава Лиги?

Разве нарушение его всем Советом не означало бы совершенно отрицания и упразднения пакта?»

Заканчивая свою речь, т. Литвинов ещё раз подчеркнул, что Советское государство вступило в Лигу наций «с единственной целью и с единственным обещанием всемерно сотрудничать с другими нациями в деле сохранения неделимого мира. Только эта цель и это обещание руководят мною сегодня, когда я предлагаю Совету не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооружённый конфликт между двумя членами Лиги и осуществить задачу, которая является смыслом существования Лиги».

Решив применить статью 15 устава, Совет Лиги не спешил проводить это решение в жизнь.

На новом заседании Совета (26 сентября) было установлено, что работа очередной комиссии не дала никаких результатов.

Такой же системы придерживалась и Ассамблея Лиги наций, которая заседала весь сентябрь, но, разойдясь 2 октября, так и не приняла никакого решения по итало-абиссинскому вопросу. Между тем прошло уже десять месяцев с момента нападения Италии на Абиссинию.

На другой день после окончания работ Ассамблеи, 3 октября 1935 г., Совет Лиги наций получил новую информацию от абиссинского правительства о том, что итальянские войска перешли границы Абиссинии, а итальянская авиация бомбардирует абиссинские города Адую и Адиград.

Если раньше ещё шла речь о стычках около границ и можно было принять какие-то меры для предотвращения агрессии, то теперь уже в порядок дня встал вопрос о борьбе с самой агрессией. Однако линия поведения Лиги наций несколько не изменилась. Пока на абиссинской земле шли бои, Лига продолжала учреждать бесчисленные комитеты.

5 октября Совет уполномочил новый комитет, на этот раз составленный из шести членов, «изучить обстановку и сделать доклад Совету».

В состав комитета шести вошли представители Великобритании, Франции, Чили, Дании, Румынии и Португалии. Нетрудно догадаться, что в этой шестёрке решающие голоса принадлежали представителям Франции и Великобритании, которые фактически уже давно санкционировали захват Абиссинии.

Совет вынес своё решение уже 7 октября, т. е. через два дня. Может показаться странной такая быстрота действий Совета. Но дело в том, что в резолюции заключалось всего-навсего пожелание, адресованное агрессору, чтобы «немедленно было прекращено нарушение устава Лиги наций».

Однако факт агрессии был настолько вопиющим и настолько взволновал весь мир, что Лига наций не могла поставить на этом точку.

Была опять созвана Ассамблея, и на заседании 9 октября принята резолюция о применении экономических санкций к Италии.

Характерно, что резолюция эта представляла собою не решение самой Лиги наций как международной органи-

зации, охраняющей безопасность народов, а сумму отдельных «согласий» государств — членов Лиги наций.

Сделано это было из опасения, что резолюция может провалиться, если проводить её так, как предусмотрено уставом. А по уставу полагалось, чтобы решение Ассамблеи было принято абсолютно единогласно. Стоило одному, хотя бы самому маленькому и расположенному в другом полушарии, государству высказаться против, как решение не могло войти в силу. Это был один из органических пороков устава Лиги наций, пороков, бесконечно тормозивших её работу.

В данном случае провели опрос каждого члена Лиги, согласен ли он применить санкции против Италии, а не стали принимать от имени Ассамблеи резолюцию, обязательную для всех членов Лиги.

Но и такой метод опроса оказался не вполне успешным. Дело в том, что три государства отказались применять санкции, а позиция именно этих трёх государств была особенно важна, так как они являлись непосредственными соседями Италии. Речь идёт об Австрии, Венгрии и Албании. Германия, конечно, тоже была на стороне Италии (да она к этому времени уже не состояла в Лиге наций).

Австрия, Венгрия и Албания отказались применять санкции, ссылаясь на своё особое политическое, экономическое и географическое положение по отношению к Италии.

Таким образом, решение Ассамблеи сразу в значительной степени теряло смысл, ибо совершенно ясно, что применять санкции к Италии должны были в первую очередь именно её соседи и что согласие на санкции, данное государством, расположенным в другом полушарии, вряд ли могло иметь практический эффект.

Кроме упомянутых трёх государств санкции отказалась применять Швейцария, сославшись при этом на свой постоянный нейтралитет. Это заявление чрезвычайно характерно для Швейцарии, которая не раз пользовалась нейтралитетом как ширмой для прикрытия своей помощи агрессору.

Остальные государства на словах согласились применить против Италии экономические санкции.

Несмотря на саботаж друзей и сателлитов Италии, эти санкции всё же могли бы оказаться довольно действенной мерой, если бы не происки реакционных политических деятелей, употребивших всё своё влияние в Лиге на то,

чтобы облегчить положение агрессора. Стремясь обелить себя перед общественным мнением своих стран, они прикидывались сторонниками санкций, а на деле с помощью различных уловок делали эту меру совершенно безвредной для Италии.

У Италии не было такого важного стратегического сырья, как нефть. В условиях современной войны лишить воюющую страну нефти значило бы совершенно парализовать её действия. Стоило лишить Италию нефти, как она была бы фактически обезоружена. Но именно нефть не была включена в число тех статей итальянского ввоза, на которые распространялись санкции. Ясно, что, допуская ввоз в Италию нефти, Лига наций потворствовала продолжению войны.

Другим условием, способным сильно затруднить военные действия, было бы закрытие Суэцкого канала — единственного удобного водного пути из Италии в Абиссинию. Однако Суэцкий канал не закрыли. Немалую роль в этом решении играло то, что закрытие канала лишало его владельцев больших доходов. Дело в том, что Италия должна была платить за проход каждого своего судна через канал, а их, естественно, должно было пройти очень много.

Невольно возникает вопрос: каким же образом и кем определялся объём и характер санкций?

И здесь снова вскрывается неприглядная роль Лиги наций, служившей во многих случаях ареной для махинаций и секретных соглашений, заключаемых некоторыми тёмными политическими дельцами типа Лавала. Объём и характер санкций против Италии фактически был определён секретным соглашением между Лавалем и министром Великобритании Хором. Соглашение это было заключено за месяц до того, как Лигой наций было принято решение о применении санкций, и главная его цель заключалась в том, чтобы лишить эти санкции какой бы то ни было действительности.

Таким образом, попытки применения санкций против агрессора не дали эффекта и не помешали Италии оккупировать Абиссинию.

Что касается Лиги наций, то она в дальнейшем не только перестала противиться этому наглому захвату, но даже делала шаги к тому, чтобы закрепить за Италией Абиссинию.

3 марта 1936 г. Лига обратилась к обеим сторонам, уговаривая их открыть немедленные переговоры о прекра-

щении военных действий. Через полтора месяца это обращение было повторено. Разумеется, Муссолини не обращал внимания на эти призывы, так как ему было совершенно ясно, что Лига наций не может сделать решительных шагов, чтобы помешать ему завершить захватническую войну. И действительно, когда Италия оккупировала всю территорию Абиссинии, а итальянский король провозгласил себя абиссинским императором, Лига наций немедленно постановила отменить санкции против Италии, расписавшись, таким образом, в собственном бессилии. Но этого мало. Через два года, в мае 1938 г., Лига наций по просьбе правительств Великобритании и Франции приняла постановление, разрешавшее членам Лиги наций признать итальянский суверенитет над Абиссинией.

Так бесславно кончился первый опыт применения Лиги наций того единственного оружия борьбы с агрессией, которое имелось в её распоряжении.

Европа в это время была уже похожа на пороховой погреб. Следующий случай агрессии не заставил себя долго ждать.

В мае 1936 г. окончательно завершился захват Италией Абиссинии и были отменены экономические санкции, а в августе того же года Германия и Италия начали вооружённую интервенцию в Испании. В этом случае Лига наций опять стала искать выход из создавшегося положения, пользуясь всяким поводом для того, чтобы не принимать никаких мер против нарушителей мира. Таким поводом послужил созданный вскоре после начала интервенции так называемый Комитет по невмешательству в испанские дела. Если во времена японо-манчжурского конфликта Саймон был первой ласточкой, возвестившей пресловутый принцип невмешательства, то теперь этот «принцип» приобрёл своего рода официальное признание.

27 ноября 1936 г. член Лиги наций — Испания обратилась в Совет Лиги с формальной просьбой принять меры против агрессии. Но теперь Лига наций даже не стала создавать никаких комиссий и комитетов. Она просто самоустранилась от своего прямого дела, заявив, что испанскими делами занимается Комитет по невмешательству.

Комитет по невмешательству был создан по инициативе французского правительства, возглавляемого тогда Блюмом, при поддержке консервативного английского правительства Болдуина.

Деятельность Комитета по невмешательству формально

должна была быть направлена на то, чтобы ограничить войну территорией Испании и для этой цели не допускать ввоза в Испанию военных материалов.

По существу же этот комитет тормозил помощь государств Европы законному правительству Испании и способствовал победе интервентов и мятежников. Германия и Италия тоже входили в Комитет по невмешательству. Советский Союз вошёл в Комитет по невмешательству с целью разоблачения и пресечения преступных действий Германии и Италии.

По испанскому вопросу Совет Лиги принял 12 декабря 1936 г. резолюцию, в которой увещевал агрессоров, что «всякое государство обязано воздерживаться от вмешательства во внутренние дела другого государства». Провозгласив эту спасительную доктрину, Совет сослался на то, что всеми делами занимается Комитет по невмешательству, и занялся проблемами гуманитарного порядка вроде санитарной помощи испанскому населению и т. п.

По испанскому вопросу Лига наций выступала ещё дважды. Через полгода после принятия своей беззубой резолюции с увещеваниями агрессоров Совет Лиги наций вынужден был «с сожалением констатировать», что эта резолюция ни на одного из агрессоров не произвела никакого впечатления.

Однако под влиянием активных сторонников коллективной безопасности — в особенности СССР — Ассамблея 2 декабря 1937 г. сделала всё же попытку «вмешаться» в испанские дела. Была поставлена на голосование резолюция, которая допускала индивидуальную помощь испанскому народу со стороны государств — членов Лиги наций. Но и эта резолюция провалилась, так как хотя за принятие резолюции голосовало 32 государства, достаточно было двух голосов протеста, чтобы, по уставу Лиги, резолюция не была принята.

Это было последней попыткой Лиги наций «исполнить свой долг» в отношении Испании.

Точно так же Лига наций вела себя и в следующем крупном международном конфликте — войне Японии против Китая.

Выступление советского представителя по этому вопросу резко отличалось от позиции всех других держав в Лиге наций. Его речь была резко заострена как против фашистских агрессоров, так и против политики невмешательства, проводимой Лигой наций. Говоря о том, что задачей Лиги

является обуздание агрессора, т. Литвинов подчеркнул, что путь уступок агрессору «привёл к потере одними государствами, членами Лиги, огромнейших территорий с десятками миллионов населения, а другими — самого своего существования в качестве государства. Можно считать теперь аксиомой, что пассивность Лиги во время манчжурского конфликта имела своим последствием несколько лет спустя нападение на Абиссинию. Недостаточная активность Лиги в случае с Абиссинией поощрила испанский эксперимент. Непринятие Лигой никаких мер в помощь Испании поощрило новую атаку на Китай. Таким образом, мы имели четыре агрессии на протяжении пяти лет. Мы видим, как агрессия, не будучи приостановлена, перебрасывается с одного материка на другой, принимает каждый раз всё большие и большие размеры». Но Советский Союз оставался почти одиноким защитником такого взгляда на вещи. Отсутствие единства среди держав, занимающих руководящее положение в Лиге, лишало её всякой возможности изменить положение.

В июле 1937 г. Япония напала на Китай, и 12 сентября Китай обратился в Совет Лиги с письмом, требующим рассмотреть вопрос о нападении.

Сначала Лига наций передала этот вопрос на рассмотрение Консультативного комитета, который был создан ещё в 1933 г., когда Япония захватила Манчжурию.

Четыре года комитет ничего не делал, чтобы разрешить японо-китайский конфликт из-за Манчжурии, новым же конфликтом между Японией и Китаем он вообще не стал заниматься, а передал его на рассмотрение вашингтонских держав, т. е. США, Великобритании, Франции, Италии, Японии, Польши, Голландии, Португалии и Китая, которые в 1922 г. подписали в Вашингтоне договор об «открытых дверях и равных возможностях в Китае». Очевидно, что это был путь самоустранения не только от решения, но даже и от обсуждения крупных международных конфликтов. Ассамблея лишь рекомендовала членам Лиги обеспечить моральную поддержку Китаю, т. е. заняла ту же позицию, какую она занимала в испанском вопросе, — позицию благодушного наблюдателя.

Изложенное выше делает более понятным и поведение Лиги наций в отношении фашистской Германии. Известно, что самое возникновение Лиги было связано с горячим желанием народов мира избежать повторения агрессии со стороны этого милитаристского государства — самого опас-

ного и, можно сказать, «принципиального» врага международной безопасности. Но, став однажды на путь непротivления агрессии, не желая исправить органических пороков, заложенных при самом её основании, Лига наций, естественно, не могла сколько-нибудь действительно выполнять и эту свою — официально провозглашаемую в качестве главной — задачу.

Ещё в 1926 г. в Лиге наций была принята резолюция, согласно которой Лига могла в любое время произвести обследование вооружений Германии.

Однако этим правом Лига наций не пользовалась и впервые занялась вопросом о вооружении Германии в 1935 г., когда Гитлер перестал играть в прятки, открыто заявил о нарушении им пятой части Версальского договора, трактующей вопрос о разоружении Германии, и объявил о воссоздании германской армии.

16 марта гитлеровская Германия, опубликовав закон о всеобщей воинской повинности, ещё настолько была не уверена в том, что ей не будет оказано противодействие, что на всякий случай подготовила другой закон, отменяющий первый. Но гитлеровцы напрасно беспокоились.

Правда, французское правительство потребовало экстренного созыва Совета Лиги наций, но, прежде чем собралась эта внеочередная сессия Совета Лиги наций, Англия, Франция и Италия на конференции в Стресе обсудили создавшееся положение и выработали общую линию поведения на будущей сессии Совета. После трёхдневного совещания державы решили выразить сожаление по поводу того, что Германия нарушила свои обязательства, и только.

Тот факт, что крупнейшие державы, прежде чем обсуждать вопрос непосредственно на сессии Лиги наций, устанавливали линию своего поведения на особой конференции, свидетельствовал прежде всего о желании правительств этих держав парализовать принципиальную политику Советского Союза, делегация которого в Лиге наций являлась самой последовательной и самой сильной противницей политики невмешательства.

Резолюция, принятая через несколько дней чрезвычайной сессией Совета, мало чем отличалась от резолюции конференции в Стресе. Те же общие фразы об уважении к договорным обязательствам, сожаления об их нарушении и, наконец, осуждение одностороннего нарушения международных договоров.

Ровно через год Германия опять нарушила Версальский договор, а заодно и Локарнский пакт, заняв своими войсками Рейнскую демилитаризованную зону.

Созванная по предложению Франции и Бельгии внеочередная сессия Совета опять-таки ограничилась только констатацией факта нарушения Германией обоих договоров и предоставила решать вопрос конференции локарнских держав.

Чем дальше развивались события в Европе, чем больше расширялись очаги агрессии, тем меньше Лига наций занималась вопросами нарушений мира и безопасности, стараясь передать разрешение конфликтов кому-либо другому, хотя бы самим агрессорам, лишь бы не принимать никаких решительных мер.

Но если по вопросу о нарушении Германией Версальского и Локарнского договоров Лига наций приняла хотя бы резолюции, осуждавшие политику Германии, то в 1938 г., когда Германия захватила Австрию, Лига наций даже не обсуждала этого факта, и Австрия продолжала числиться членом Лиги наций, как будто ничего не случилось.

Один только Советский Союз высказался, как всегда, решительно и прямо. В интервью, данном иностранным журналистам через неделю после захвата Германией Австрии, т. Литвинов заявил, что советское правительство «согласно приступить немедленно к обсуждению мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра, может быть, уже поздно, но сегодня время ещё не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твёрдую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира».

Но в течение всего 1938 г. в Лиге наций ни разу не поднимался вопрос об Австрии.

В том же 1938 г. Гитлер начал готовить захват Чехословакии, на первых порах собираясь отнять у неё Судетскую область. В сентябре 1938 г., т. е. в то самое время, когда Гитлер предъявил свой ультиматум Чехословакии, заседала Ассамблея Лиги наций. Но напрасно было бы в протоколах Ассамблеи искать следов обсуждения чехословацкого вопроса. Пресловутая Мюнхенская конференция «избавила» Лигу наций от необходимости касаться этой проблемы. Один только Советский Союз в своём заявлении Ассамблее от 21 сентября подверг резкой критике позицию «умиротворения агрессора», занятую вели-

кими державами. Но это заявление было оставлено Лигой наций без внимания, а через несколько дней судьба Чехословакии была решена в Мюнхене.

К 15 марта 1939 г. Чехословакия была целиком захвачена Германией, а 6 апреля на сцену уже выступил другой агрессор, Италия, и ещё одно государство, тоже член Лиги наций — Албания, — силой оружия было лишено государственной независимости.

Лига наций опять-таки обошла молчанием и этот факт.

Казалось бы, что её вообще уже не существует, но вдруг выяснилось, что Лига ещё жива и способна даже на решительные действия!

Можно было бы предположить, что эту активность Лига наций, наконец, проявила тогда, когда нападением Гитлера на Польшу, а затем на Францию и Великобританию началась вторая мировая война. Естественно было бы в условиях начавшейся войны, чтобы международная организация мира и безопасности стала, наконец, центром коллективных усилий миролюбивых стран, направленных против нарушителей мира.

Но Лига наций осталась верна себе. Её лебединой песней было резкое выступление против самого надёжного оплота мира на всём земном шаре, страны, всегда последовательно проводившей политику мира, — против Советского Союза.

Если Лига наций хладнокровно наблюдала, как лишалась независимого существования одно за другим государства — члены Лиги наций, поглощаемые агрессорами — Японией, Италией, Германией, если судьба Китая, Абиссинии, Чехословакии, Австрии, Албании очень мало интересовала Лигу, то это «бесстрашие и выдержка» сразу сменились необыкновенно темпераментным взрывом деятельности, как только дело коснулось Советского Союза.

После ряда провокаций со стороны Финляндии Советский Союз был вынужден обеспечить свою северо-западную границу и прежде всего безопасность города Ленинграда против белофинского авангарда гитлеровской Германии, подготовившего плацдарм для нападения на нашу страну. Тут-то Лига наций и проявила необыкновенную для неё оперативность. Не стали создавать никаких комиссий, не стали изучать конфликт на месте, а уже через две недели — 14 декабря 1939 г. — исключили СССР из Лиги наций, обвиняя его в нападении на Финляндию.

Таков был последний акт деятельности Лиги наций — последний потому, что в 1940 г. она уже не собиралась, и

достаточно позорный, так как суммировал всю её деятельность за 20 лет.

Ни один агрессор не был исключён из Лиги наций — все они ушли сами, не желая иметь руки связанными даже той тонкой ниточкой, которой являлся устав Лиги наций. Но зато единственное последовательно миролюбивое государство было исключено с невероятной быстротой и оперативностью.

* *

*

В этом небольшом очерке истории Лиги наций была сделана попытка показать на конкретных примерах её деятельности, почему эта международная организация по охране мира и безопасности народов никак не оправдала возлагавшихся на неё надежд.

Подводя итоги всему сказанному, можно сделать следующие выводы.

Все недостатки Лиги наций делятся на две — правда не равноценные — принципиально отличающиеся друг от друга группы.

К одной из них надо отнести организационные недостатки, которые, по словам товарища Сталина, привели к тому, что Лига наций «не имела ни прав, ни средств для предотвращения агрессии». Это прежде всего отсутствие в распоряжении Лиги наций активного средства борьбы с агрессией, т. е. не только непосредственно подчинённых ей вооружённых сил, но и возможности применить военные санкции силами государств — членов Лиги. Затем так называемый «демократический» характер Лиги наций, выражавшийся в том, что по уставу каждое решение могло быть принято только единогласно, приводил к тому, что голосом одного государства могло быть сорвано любое решение. Это же обстоятельство приводило к тому, что Лига наций принимала ни к чему не обязывающие резолюции, составленные из общих фраз, под которыми мог подписаться даже и агрессор.

Значительным тормозом в работе Лиги наций являлась и бесконечно сложная процедура, с которой было связано проведение каждого решения. Каждый раз создавались бесконечные комиссии, комитеты, которые только затягивали дело. Кроме того, в уставе были крайне нечётко разграничены функции Совета и Ассамблеи, из-за чего тоже происходили постоянные споры и недоразумения.

Однако эти организационные дефекты могли бы быть

преодолены, если бы не было других, более важных недостатков в работе Лиги наций.

В докладе, посвящённом 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, товарищ Сталин в следующих выражениях говорил о необходимости единодушия между державами, создающими новую международную организацию:

«Можно ли рассчитывать на то, что действия этой международной организации будут достаточно эффективными? Они будут эффективными, если великие державы, вынесшие на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, будут действовать и впредь в духе единодушия и согласия. Они не будут эффективными, если будет нарушено это необходимое условие».

Опыт «печальной памяти Лиги наций» — наилучшее подтверждение справедливости этого указания товарища Сталина. С другой стороны, эти слова товарища Сталина с исключительной ясностью указывают и на тот основной порок, который привёл к столь бесславному концу первый опыт практического подхода к созданию международной организации безопасности.

Лига наций, созданная вместе с Версальским договором, была обречена на то, чтобы разделить как его недостатки, так и его печальную судьбу. Политическая тенденция всей версальской системы, а равно и Лиги наций была резко враждебна Советскому Союзу. Мы видели на примерах деятельности Лиги наций, насколько враждебна была эта политика по отношению к нашей стране, особенно до её вступления в Лигу наций. Это было самым большим и непоправимым пороком Лиги наций, так как совершенно ясно, что без участия такой державы, как СССР, самой миролюбивой и самой стойкой в защите принципа коллективной безопасности, невозможно было установить ни мира, ни безопасности. Вторым недостатком, также обрекавшим деятельность Лиги наций на неудачу, было отсутствие сотрудничества с другой великой державой мира — Соединёнными Штатами Америки.

Отсутствие единства в среде ведущих держав мира, стремление тогдашних руководителей этих держав обеспечить одну только свою безопасность, направив агрессию против других стран, нашли своё выражение в политике, печально прославленной под именем «политики невмешательства». Эта политика фактически сводила на-нет все возможности Лиги наций.

Экономические санкции — достаточно сильное оружие в руках Лиги наций — превратились в пустую формальность, как мы видели на примере итало-абиссинского конфликта, именно благодаря этой политике. Эта же политика невмешательства, проводимая представителями ведущих держав в Лиге наций, вела к тому, что Советский Союз оставался в Лиге одиноким и не встречал поддержки большинству своих предложений.

Недостатки Лиги наций учитывают народы великих держав, объединившихся в смертельной борьбе против врага человечества — фашистской Германии, когда они приветствуют создание новой международной организации по охране мира и безопасности. Товарищ Сталин в своём докладе, посвящённом 27-й годовщине Великой Октябрьской революции, определил задачи этой организации в следующих словах: «Задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, если не навсегда, то по крайней мере в течение длительного периода времени. Для этого, кроме полного разоружения агрессивных наций, существует лишь одно средство: создать специальную организацию защиты мира и обеспечения безопасности из представителей миролюбивых наций, дать в распоряжение руководящего органа этой организации минимально-необходимое количество вооружённых сил, потребное для предотвращения агрессии, и обязать эту организацию в случае необходимости — применить без промедления эти вооружённые силы для предотвращения или ликвидации агрессии и наказания виновников агрессии».

